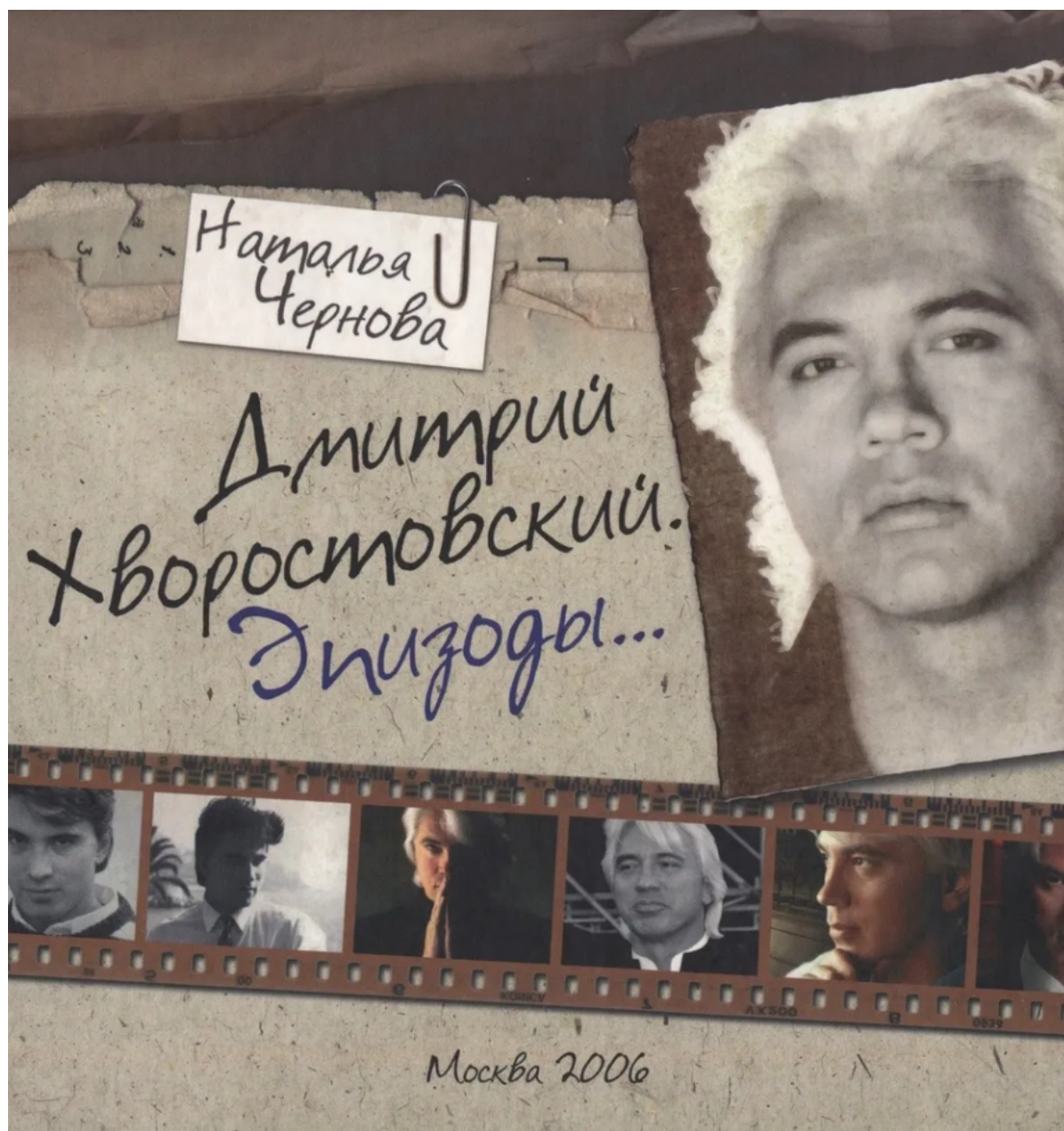

Наталья Чернова. Дмитрий Хворостовский. Эпизоды... (Международный
Дягилев-Центр, 2006)

Глава I. «Нас всех подстерегает случай» (А. Блок)

Ехать на съемку решительно не хотелось. На улице – холод, мокрый снег, ветер, гололед. Обычное начало обычного московского декабря. Но это еще пол беды. Какой-то концерт, какого-то очередного молодого дарования... из Красноярска!

– Ну, снимем мы сюжет, а как потом в эфир его «протолкнуть», тем более, если там нет ничего особенного?

На дворе стоял 1989 год. Телевизионная информационная программа «Время», где я служила, все-таки еще сохраняла остатки величественно-придворной помпезности и допускала на свои эфирные страницы лишь избранных: известных политических деятелей, всяких других знаменитостей, академиков, народных артистов. Правда, материал о «молодом даровании» планировался в воскресный выпуск под названием «7 дней», где нужно было не только рассказать о самом важном, что произошло за неделю, но и попытаться найти какие-то новые пути и подходы к подаче информации, поразить воображение зрителей чем-то необычным, а, может быть, и скандальным. Эфирные скандалы входили в моду. Все-таки 89 год - это вам не 62-ой. От нас требовали чего-то поискать, порыть землю носом, предложить что-нибудь свеженькое, неожиданное, но, конечно, значительное, а не так – балет «Щелкунчик» силами воспитанников детского сада №3 для умиления пап и мам.

Никакими скандалами предстоящая съемка (Слава Богу!) не грозила, а вот нечто «свеженькое» в рассказе о некой «неизвестной звезде» могло быть. Я знала, что мой «вундеркинд» уже был лауреатом нескольких национальных и международных конкурсов, где-то в газете промелькнула коротенькая заметка – «На горизонте яркий талант». Но, работая по своей журналистской стезе на многих конкурсах, я также знала, сколько «ярких талантов», вспыхнув, как спичка, тут же гасли. Да и были ли такими уж «яркими талантами» многие лауреаты конкурсов? Не знаю. Там, где дело решают голы и секунды – все ясно, а тут... Кто лучше, кто хуже – все очень субъективно. Очки на конкурсе выставляет не беспристрастный секундомер, а живые люди – жюри. Помните у Грибоедова: «Чины людьми даются, а люди могут обмануться». У Ирины Константиновны Архиповой на этот счет имеется свое мнение: «Случается, что два певца на конкурсе получают одинаковую награду», скажем «делят» первую премию. А потом один из них делает, действительно, замечательную карьеру, а второй, увы, нет. Все просто. Бывают источники мелкие, а бывают глубокие. Не сразу можно угадать. Голос – это дар. А талант – это и способность трудиться, и память, и многое другое, что и создает одаренность комплексную: нужно очень много видеть, очень много впитывать и очень много помнить. Как Савва Мамонтов говорил, что в молодом Шаляпине его поражала вот эта способность буквально «жрать знания». Бывают одаренные люди, но по природе своей просто глупые, извините. По глупости своей они очень много теряют, а потом удивляются, как в «Пиковой даме»: «Мой туз! – Нет, Ваша дама бита. – Какая дама?! – Та, что у Вас в руках. Туз обернется дамой пик и тогда конец.

Архипова много лет возглавляла жюри Всесоюзного конкурса им. Глинки, международного им. Чайковского, заседала в жюри зарубежных конкурсов, и знала, что говорила. Ее-то первую мы и увидели в «предбаннике» дирекции зала им. Чайковского, куда зашли, чтобы получить необходимые разрешения и пропуски на съемку.

Архипова с трудом снимала тяжелые зимние сапоги, чтобы сменить их на лакированные туфли-лодочки...

– О, Господи, ну что тут с этой «молнией»? Спасибо. (Это к нашему оператору, быстро укротившему строптивую застежку на сапоге).

– Слава Богу, не могу же я к нему за кулисы идти с поздравлениями в этих «бахилах».

– Ирина Константиновна! Для молодого певца большая честь, что Вы просто пришли на его концерт, Вы собираетесь и поздравлять...

– Милочка моя! Для начала я поздравляю Вас, что наше родное телевидение наконец-то сподобилось обратить внимание на Диму Хворостовского и запечатлеть для истории его первый полноценный концерт в Москве. Да Вы знаете, что на конкурсе Глинки после его выступления публика орала не «Браво», а «Ура!». Должна Вам сказать, а я кое-что понимаю в этом деле, и могу сказать, что за последние тридцать лет... Ну ладно. А то еще сглажу. Когда-нибудь Вы

будете гордиться личным знакомством с ним. А в Кардиффе что делалось! Меня прямо распирало от счастья и гордости, что я на этот конкурс Би-би-си привезла такого певца.

– А что же мы-то ничего не знаем?

– Это уж ваши проблемы. И когда наши журналисты будут знать еще что-нибудь, кроме того, что Архипова – певица, а Рихтер – пианист? Наши хоккеисты – лучшие в мире. Это престиж страны. А то, что наш артист – лучший в мире – это не престиж страны?

До этой беседы состоялась еще одна, телефонная, с Дмитрием Хворостовским. Я с трудом дозвонилась до гостиницы, куда поселила его филармония. Этот «отель» был где-то, как говорится, на выселках, далеко от центра, связь работала плохо:

– Дмитрий Александрович! Вас беспокоит программа «Время». Мы хотели бы приехать на Ваш концерт и поснимать немного, если Вы не возражаете.

– Пожалуйста. А что вы будете снимать? Надеюсь...

– Нет, нет, я Вас поняла. У нас прекрасная техника, мешать не будем. Хотелось бы интервью после концерта, фрагменты самого концерта, какие из них, мы перед началом с Вами решим. А что у Вас голос... такой хриловатый, извините, Вы не простужены?

– Немного. Здесь топят плохо, холодно в номере.

– Да? Значит, может случиться, что Вы отмените концерт?

– Нет. Такого случиться не может.

Решительное твердое «нет» не оставляло никаких сомнений, что концерт состоится при любых обстоятельствах. Характер налицо. «Поступок делает характер, характер делает судьбу», – не помню, кто сказал, но сказал точно.

В артистической комнате зала Чайковского нас встретил высокий, худой молодой человек в толстом свитере и очках. Спокойный и доброжелательный. Больше похожий на врача или учителя, чем на артиста. Программа концерта обычная, ничего особенного. Романсы Чайковского и Рахманинова: «Нет, только тот, кто знал», «Растворил я окно», «В молчаньи ночи тайной»... Знаем, слышали много раз, все певцы их пели и поют.

– А на «бис» ничего не будет? – с тайной надеждой спросила я.

– Если дело дойдет до «бисов», то я спою «Ноченьку» а-капелла, то есть без фортепианного сопровождения.

– Простите, еще не посмотрела программку, кто у Вас концертмейстер?

– Олег Драгомирович Бошнякович.

Ого! – подумала я, – один из самых тончайших и благороднейших наших пианистов. И вдруг вспомнила. Это же он написал ту небольшую статью «На горизонте яркий талант» в газете «Советская культура», которую я прочла перед съемкой. Цитирую: «Мне посчастливилось быть концертмейстером Зары Александровны Долухановой и длительное время Надежды Андреевны Обуховой. И вот впервые после долгого перерыва, в течение которого я выступал со своими сольными программами, после знакомства с Дмитрием Хворостовским, вновь потянуло к этому занятию. Хворостовский может стать гордостью нашего искусства. Его надо сберечь на долгие годы. Стажировка за рубежом, общение с музыкантами мирового класса будут стимулами еще большего расцвета его вдохновенного таланта.»

Концерт начинался. На сцену вместе с Олегом Бошняковичем вышел, да нет, не вышел, а ворвался, сделав уже ставший потом привычным на его концертах, летящий скачок из-за кулис... совсем не тот человек, с которым мы только что говорили. На сцене стоял уверенный, может быть, даже чуть самоуверенный артист во фраке и галстук-бабочке (через несколько лет зарубежная пресса стала называть его «русский принц» за особую, отстраненно-горделивую манеру держаться на сцене).

– «Это кто?» - испуганно спросил оператор.

– «Снимай, снимай! Кстати, зал тоже снимай!»

Пятнадцать минут назад за кулисами я попросила оператора не брать в кадр пустых мест в огромном зале Чайковского. Это было время полупустых залов: люди боялись выходить из дома вечером в темную напряженную Москву. Но зал, к моему удивлению, был полон. Певец еще и ноты не взял, но всем было ясно, что перед нами Победитель. Победитель конкурсов, концертных залов, дамских сердец и всего того, где можно и должно побеждать. Строго говоря, это был не самый первый его концерт в Москве. Самый первый состоялся несколько месяцев назад... в полупустом Колонном зале.

В антракте наша съемочная группа вышла в фойе зала Чайковского. Вокруг нас немедленно образовался небольшой стихийный митинг. Митинги «по поводу и без» бурно входили в моду: наконец-то можно было громко говорить и даже кричать везде и обо всем.

– Мы за ним с конкурса Глинки следим. Тогда в Колонном зале мы кричали ему: «Нас мало, но мы в тельняшках!» - волнуясь и пытаясь отобрать у звукооператора невключенный микрофон, говорила какая-то дама.

– Я всем своим знакомым о нем рассказывал, - подключился к ней мужчина. – Ведь совсем молодой, а все понимает и чувствует. Эти романсы, как прекрасные старые картины, покрытые вековой пылью. А он, как бы одним движением руки смахнул ее, и мы увидели, что на них нарисовано».

В финале концерта была та самая «Ноченька», которая на долгие годы стала его визитной карточкой во всем мире. Была и та редкая, звенящая пауза в зрительном зале после последней ноты перед овацией, которая случается в жизни далеко не каждого артиста. За кулисами его обнимали и целовали Долуханова, Архипова.

– Ирина Константиновна, спасибо, что пришли.

– Дима, я получила не просто удовольствие, а нечто большее...

– Да, – обратилась Архипова к обступившим ее людям, – приходите в Большой зал консерватории на «Пиковую даму» в концертном исполнении с нашим участием.

И она с мягко-кокетливой улыбкой указала на Хворостовского, а потом на себя.

Осмелевшая публика, вернее те ее представители, которым удалось прорваться за кулисы, просили его расписаться на билетах, программках, просто клочках бумаги.

Какой-то филармонический чиновник подвел к Хворостовскому элегантную молодую даму и сказал: «Это Ваша английская поклонница. Она специально прилетела на Ваш концерт из Лондона. Ради нее я, собственно, его и устроил».

– Простите, значит, если бы не эта англичанка, то концерта не было бы? – тихо спросил кто-то у чиновника.

– А вы знаете, кто эта дама?

– А мы, значит, никто?!»

Назревал очередной стихийный митинг протеста, пора было закрывать дверь артистической комнаты и снимать интервью.

***

– Дмитрий Александрович, Вы почувствовали себя знаменитым?

– Нет, абсолютно нет. Я думаю, что успех концерта отнюдь не значит, что я знаменит. Просто в этот раз концерт прошел для меня достаточно удачно. Вот и все.

– Ну не скажите! Все-таки сольный концерт в Москве, в таком известном зале... Иные очень долго ждут этого момента...

– Значит, мне повезло.

- Простите, Вы ведь не девушка на выданье, поэтому Вам можно задать этот вопрос: сколько Вам лет?
- Мне только что исполнилось двадцать семь. Профессионально пою около 6 лет. Где-то в двадцать один год я уже попал на сцену Красноярского оперного театра. Так что практику оперного и концертного певца я начал очень рано.
- А за рубежом?
- За рубежом меня узнали недавно. После конкурса Би-би-си в Кардиффе. До этого были Всероссийский и Всесоюзный конкурсы имени Глинки, потом – очень известный конкурс во Франции, в городе Тулуза.
- И какие премии Вы получили на этих конкурсах?
- Первые.
- Везде?
- Везде.
- И в Кардиффе?
- Нет, в Кардиффе я получил «Гран-при», этот конкурс называется «Лучший певец Мира» или «Лучший голос Мира»... Точно не скажу.
- Значит, Вы и есть «Лучший голос Мира», если получили «Гран-при»?!!
- Дело в том, что это был конкурс молодых певцов, только начинающих свою карьеру. Нас было очень много, из разных стран мира. Конкурс транслировался Би-би-си по телевидению практически на всю Европу, и, благодаря этому, я получил много приглашений для работы в разных театрах и концертных залах.
- А какие это театры, залы?
- Ну, разные. Театр Ла Скала, театр Ковент-Гарден, Концертгебау в Амстердаме...
- Это один из самых престижных залов Европы...
- Я уже пел там в сентябре.
- Простите, а Большой театр Вас не приглашал?
- Два года назад, после конкурса Глинки, когда был концерт лауреатов конкурса в Большом театре, такое приглашение я получил, в стажерскую группу. Но я отказался.
- Почему? Вас не устраивал статус стажера или какие-то другие причины повлияли на Ваше решение?
- Помимо статуса есть и другие причины. В общем, я считаю нужным для себя не работать в Большом театре... Сейчас.
- Понятно. Не буду задавать Вам дальше вопросов на эту тему. А как Вы представляете себе свою артистическую судьбу в ближайшее время? Выступления в Европе на престижных театральных и концертных площадках?
- Да, скорее всего, так. Моя жизнь уже расписана на пару лет вперед. Контракты, приглашения... В Красноярске я уже очень редко бываю, а когда бываю не всегда удается выступить на сцене моего родного оперного театра.
- Почему?
- Репертуар театра составляется по принципу очередности: в этом месяце идут одни спектакли, в следующем – другие. И, получается, что, когда я бываю в Красноярске, не бывает тех спектаклей, в которых я был занят: «Евгений Онегин», «Травиата», «Паяцы». Но я пою концерты. В городе меня, не хвалясь скажу, любят и знают, и на моих концертах всегда аншлаг. В Красноярске прекрасный, очень красивый зал, с замечательной акустикой, и я его очень люблю.
- Ваши европейские контракты, выступления, все это хорошо... А мы как же?
- Я получил приглашения для работы из театра Станиславского и Немировича-Данченко, из Кировского театра, недавно был в Киеве с концертами и пел спектакли в Киевском оперном театре, Минский театр приглашает.
- Если Вы остановитесь на каком-нибудь театре, какая причина определит Ваш выбор?

– Главное, чтобы я был достаточно свободен. Артист советского репертуарного театра – это часто крепостной артист, согласитесь. Делай то, что тебе велит руководство, дирекция. А сейчас я считаю нужным для себя много работать в разных странах, и расти как музыкант. К сожалению, в нашей стране я пока не имел хорошей практики, у меня не было выступлений с нашими лучшими оркестрами и дирижерами. Надеюсь, что это произойдет, все впереди.

– Но Вы не покинете нас навсегда? Вы ведь очень нам нужны, и сейчас, как никогда, может быть! Вы же сегодня подарили залу два часа радости, а с этой субстанцией, т.е. с радостью, у нас сейчас весьма неважно. Выжить бы...

– Да, конечно, но ведь и мне надо где-то и как-то жить, извините. Многие наши артисты стремятся за рубеж потому, что у них элементарный быт в нашей стране никак не устроен. У меня нет и не предвидится пока никакого жилья ни в Москве, ни в Ленинграде. Мыкаешься по каким-то третьесортным гостиницам. Это не очень приятно, поверьте.

– У Вас есть семья, жена, дети?

– Да, у меня есть жена, есть дочка. Они живут в Красноярске. Жена – балерина Красноярского театра, где мы и познакомились. Недавно во Франции участвовал в постановке «Пиковой дамы». Я вызвал в Ниццу жену, и мы прекрасно провели это время в хороших условиях. Все было в порядке.

– Ну что ж, спасибо за интервью. Все-таки хотелось бы, чтобы Ваша творческая судьба сложилась здесь, у нас, не исключая зарубежных гастролей, конечно. Артисту они необходимы. Удачи Вам во всем!

– Спасибо.

Москва, декабрь 1989 года.

После этого разговора я испытала какое-то странное чувство вины и легкого раздражения. Сразу вспомнила одного чиновника из Минкульта: «Отъезжают и пусть их! Мы и без Шалапина прекрасно обошлись».

А с другой стороны – не велики ли претензии у мальчика? Квартиру ему сразу подавай в Москве или в Ленинграде. Заслужи ее, поработай, повкалывай! Гораздо позже поняла, что аргумент мой чисто советский. Он-то к этому времени уже успел приобщиться к нормальной жизни. Там, «за кордоном», его ценили и уже успели дать понять, чего он стоит. А у нас в то время просто купить квартиру, даже если есть деньги, было достаточно сложно. Как говорится, «рынок не сложился». Квартиру можно было получить за заслуги от государства, но при наличии столичной прописки. «Квартирный вопрос», еще во времена Булгакова испортивший многих граждан, оставался по-прежнему острым.

На следующий день в редакции Александр Тихомиров, ведущий нашей ново-фирменной программы «7 дней», которая шла по первому каналу в самый что ни на есть «прайм-тайм» – десять часов вечера – мрачно спросил: «Ну что? Как съемка?»

– Кажется, будет отличный материал. Ты не представляешь, какого парня мы сняли.

– Хороший парень – это мало. Нужна какая-то проблема, какой-то ход журналистский. Ваша экзальтированная восторженность, мадам, нам хорошо известна. Это, извини, уже несколько старомодно. Надеюсь, ты не забыла спросить у него что-нибудь неожиданное и небанальное, например: «Каковы Ваши творческие планы?»

Я пропустила мимо ушей тихомировскую колкость. Он – замечательный журналист, его главной темой в редакции был космос – полеты, ракеты, космодромы, космонавты. Обо всем это он рассказывал ярко и талантливо, но человеком был грубовато-прямым, это все знали и не обижались, ценя в нем, кроме журналистского дара, ум и честность.

– Проблема будет, будет!

– Какая же?
– Он вообще может уехать из страны!
– Понятно. Страна их вырастила, выучила, воспитала, за свой счет, между прочим, а теперь все двери распахнуты – поезжай куда хочешь. Они и едут. Их много таких сейчас.
– Такой, как он, один! «Мы и без Шаляпина прекрасно обошлись, да?»
Тихомиров усмехнулся. – Ладно, работай. Но материал о твоём «Шаляпине» должен быть 3-4 минуты, и то не даю тебе гарантии, что я его возьму. Все.

Когда я просматривала отснятые кассеты, меня неожиданно посетило какое-то странное... разочарование. Не то, чтобы надо мной тяготел разговор с Тихомировым. Дело в том, что из кадров, снятых накануне, что-то ушло таинственным образом. Вроде все было на месте: зал, сцена, певец, прекрасный, редкой красоты голос, артистизм, но... В зале, когда он пел, ты вдруг почти физически ощущал, где, в каком месте, находится у тебя душа. Как будто невидимая ладонь прикоснулась к ней и осторожно, но крепко сжала, а потом мягко отпустила.

«Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной –
Моей души коснулась ты...»

Никак не отпускала стихотворная строка известного романса. А как часто бывает – умом, глазами, ушами восхищаешься певцом – но это все. Души он не касается. Энергетика личности в живом зале – вот в чем дело. Видимо, кинокамера может фиксировать внешнее. Да. Такое уже случалось. Владимир Васильев. Фантастическая техника: прыжок, вращение, актерский дар... Но ведь в «живом» зале было что-то большее, чего и словами не назовешь. Кто-то сказал, что такие артисты – проводники, сталкеры. Возможно, сами того не зная, они принимают откуда-то сверху особую информацию, пропускают ее через себя, и бросают в зал. А может это все фантазии.

– Готово? Сколько? – спросил Тихомиров.
– Десять минут... Но это очень талантливый мальчик!
– Талантливых мальчиков много, а эфир не резиновый. Сокращайся.
– Саша, пойдем вместе посмотрим кассету и решим, что сокращать.
Материал включал в себя джентльменский набор необходимых кадров: фрагменты интервью, общий антураж – зал, аплодисменты, и песню «Ноченька». Просмотр закончился. В монтажной воцарилась какая-то длинная тягостная пауза. («Ну, конечно, он только в своих космических кораблях и ракетах понимает...»).

– Саш, я знаю, что это много, давай по песне сократимся, она длинная.
– Понимаешь, ну уедет он, – медленно произнес Тихомиров. – И с кем мы останемся? С кооператорами, которые производят матрешек и стеклянные бусы, и с шашлычниками на Арбате? Так что сокращаться не будем. Особенно по песне. Пусть все видят, с чем мы имеем дело.